

Научная статья

УДК [338.242:332.13]:332.14

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10405

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕФОРМА: ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (на примере Удмуртской Республики)

Рамиль Могатович Ямилов

Сарапульский политехнический институт (филиал) Ижевского государственного университета имени М. Т. Калашникова, Сарапул, Россия, jaramo@mail.ru, ORCID 0000-0001-7835-9855

Аннотация. Рассмотрено влияние этнического контекста на государственное и муниципальное управление (на примере Удмуртской Республики). Выделена ведущая этническая связь как основа формирования этноса. Предложено определение этнической идентичности. Установлено, что власть и этнос — это синергетический эффект эволюции социальной системы. Выделены базовые и факультативные атрибуты этнической системы. Предложена связная модель этноса. Построена модель открытости/закрытости этнической системы. Рассмотрена упрощённая схема равноправного взаимодействия этносов и государства. Рассмотрена упрощённая схема неравноправного взаимодействия этносов и государства. Показано влияние коммуникационной доступности на формирование этноса. Показана возможность смены ведущей связи социальной системы с ведущей этнической связью, эффективной в индустриальную эпоху, на иную ведущую связь в постиндустриальной эпохе из-за расширения коммуникационной доступности. Рассмотрены соотношения этнически определённой территории и административной территории этноса. Выделены ассимиляционные и деассимиляционные этнические процессы. Предложена концепция этникоценоза. Выявлена необходимость исследований и разработки интегрального критерия доминирования этноса. Проведён анализ порайонного национального состава Удмуртской Республики. Установлено, что этнический аспект публичного управления — уровень муниципального управления, выявлено конституционно закреплённое неравенство этносов по территориальным образованиям, которое необходимо устранить. Показан конституционно закреплённый примат удмуртского этноса в Конституции Удмуртской Республики, что может являться предпосылкой дискриминации иных этносов, проживающих на территории Удмуртии, что необходимо устранить. Рекомендован перевод национального вопроса с политической и экономической плоскости в культурную, имеющий правовые основания.

Ключевые слова: этнос, административно-территориальная реформа, удмурты, этническая система, атрибут, идентичность, этнический ареал, административный ареал, этнический контекст, управление, связь, цивилизационный код

Для цитирования: Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: этнический контекст государственного и муниципального управления (на примере Удмуртской Республики) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 39–55. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10405

Original article

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORM: ETHNIC CONTEXT OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION (on the example of the Udmurt Republic)

Ramil M. Yamilov

Sarapul Polytechnic Institute (branch) of Izhevsk State Technical University of a name of MT Kalashnikov, Sarapul, Russia, jaramo@mail.ru, ORCID 0000-0001-7835-9855

Abstract. The influence of the ethnic context on state and municipal administration is considered (on the example of the Udmurt Republic). The leading ethnic connection is highlighted as the basis for the formation of an ethnos.

The definition of ethnic identity is proposed. It is established that power and ethnicity are a synergistic effect of the evolution of the social system. The basic and optional attributes of the ethnic system are highlighted. A coherent model of the ethnos is proposed. The model of openness/closeness of the ethnic system is constructed. A simplified scheme of equal interaction between ethnic groups and the state is considered. A simplified scheme of unequal interaction of ethnic groups and the state is considered. The influence of communication accessibility on the formation of an ethnic group is shown. The possibility of changing the leading link of the social system from the leading ethnic link effective in the industrial era to another leading link in the post-industrial era due to the expansion of communication accessibility is shown. The relations of an ethnically defined territory and the administrative territory of an ethnos are considered. Assimilation and de-assimilation ethnic processes are highlighted. The concept of ethnicococenos is proposed. The necessity of research and development of an integral criterion for the dominance of an ethnic group is revealed. The analysis of the regional national composition of the Udmurt Republic is carried out. It is established that the ethnic aspect of public administration is the level of municipal administration, and the constitutionally fixed inequality of ethnic groups by territorial entities, which must be eliminated, is revealed. The author shows the constitutionally fixed primacy of the Udmurt ethnic group in the Constitution of the Udmurt Republic, which may be a prerequisite for discrimination of other ethnic groups living on the territory of Udmurtia, which must be eliminated. It is recommended to transfer the national issue from the political and economic plane to the cultural one, especially since there are legal grounds.

Keywords: ethnos, administrative-territorial reform, Udmurts, ethnic system, attribute, identity, ethnic area, administrative area, ethnic context, management, communication, civilizational code

For citation: Yamilov R.M. Administrative and territorial reform: ethnic context of state and municipal administration (on the example of the Udmurt Republic). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):39-55. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10405

Введение

Одна из проблем административно-территориальной реформы (далее АТР) — национальный (этнический) вопрос, который, на наш взгляд, в существующих применениях значительно искажает общественные отношения, порождая необоснованное преимущество одной этнической группы над другими на определённой внутригосударственной территории, что является фактором системной нестабильности для государства. Если для мононационального государства национальный фактор является усиливающим системную стабильность, и общность одной национальной идентичности рано или поздно объединяется территориально, то для многонационального государства национальный фактор порождает внутрисистемные линии разлома, которые в случае возникновения системной нестабильности разрушает (может разрушить) данное государство.

Многонациональное государство для своей системной стабильности должно:

- либо формировать новую национальную идентичность, включающую в себя предшествующие нации как составные элементы, а не как подсистемы, что решается созданием метанации [1];
- либо перевести национальный вопрос с уровня системной связи на уровень элементной связи¹;

¹Для дальнейших рассуждений выделим следующие виды базовых связей: межсистемные связи — связи между различными системами; системные связи — связи, охватывающие всю систему; подсистемные связи — связи между подсистемами одной системы;

— либо сочетать оба способа.

В первом случае нациостроительство [2; 3] является длительным процессом и неэффективно в современных реалиях, когда с расширением коммуникационной доступности, в том числе информационной, любое государство/этнос может взаимодействовать с другим любым государством/этносом вне зависимости от территориального (пространственного) взаиморасположения и наличия/отсутствия территориального соприкосновения.

Перевод национального вопроса с подсистемного уровня на элементный позволяет «ослабить» этнические подсистемы (группы), лишая тем самым их экономического базиса реализации суверенитета на основе принципа объединения слабых [4].

В настоящий момент этнический контекст российского государства осуществлён на уровне подсистемных связей, что уже несёт в себе возможный сепаратизм, ибо разрушение любой системы происходит её подсистемами, а не элементами системами. Особую насторожённость вызывает наличие межсистемно-подсистемных связей, используемых в качестве «мягкой» силы, например, этноидеологическая и религиозная экспансия Турции на мусульманские регионы с целью

межподсистемные — связи между подсистемами различных систем; межсистемно-подсистемные связи — связи между подсистемой системы и другой системой; элементные связи — связи между элементами одной системы; межэлементные связи — связи между элементами различных систем.

создания Великого Турана¹.

Для понимания этнического контекста государственного и муниципального управления (далее ГМУ или публичное управление²) необходимо изучить формирование этнической идентичности. На основе полученного знания можно показать влияние этнического контекста на публичное управление относительно административно-территориального устройства и, соответственно, национальное влияние на АТР.

Основной спорный момент в нациестроительстве является вопрос о том, что первичнее: нация или национальное государство³.

Можно сгруппировать точки зрения по первичности государства/нации следующим образом:

- нацию создаёт государство;
- нация создаёт государство.

Нациестроительство необходимо рассматривать не как процесс создания, а как процесс усложнения социальной системы, результатом которого появились и эволюционировали власть и этнос⁴ как неотделимые свойства социальных систем и синергетические эффекты социальных систем.

Максимизация социальной системы как имманентное свойство социальной системы требует её постоянного расширения [5, с. 24].

¹Межсистемно-субсистемные связи, являясь скрытым управлением субсистемами другой системы и инструментом влияния, реализуемые как культурная, научная и другие экспансии, имеют потенциал вовлечения (встраивания, поглощения) другой системы с последующей декомпозицией в систему, использующую межсистемно-субсистемные связи. Эффективным поглощением можно считать декомпозицию поглощаемой системы до элементов, поскольку в случае декомпозиции системы до субсистем она имеет шанс на возрождение, так как исходя из предыдущего генезиса субсистема самоидентифицируется в качестве иной системы (принцип гомеостаза системы). Отсюда групповой характер этнической (национальной) самоидентификации, которая не имеет конкретного ядра (носителей данной самоидентификации), а «разлита» по всей этнической группе и может быть активирована при взаимодействии двух носителей данной самоидентификации. Попытка устранить субгруппы, самоидентифицируемой/самоидентифицирующейся в качестве ядра самоидентификации этноса, неэффективна.

²С учётом последних изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 в Конституцию РФ, данные термины синонимичны.

³Дилемма курицы и яйца в этническом приложении.

⁴Применён термин «этнос», поскольку нация является некоторым этапом развития этноса как социальной системы [1]. Необходимо говорить об этностроительстве, то есть нациестроительстве — это частный случай этностроительства.

Ограничителем данного расширения являются другие социальные системы, которые тоже пытаются расширяться, что является основой конкуренции социальных систем. Другим ограничителем являются пределы сложности социальной системы⁵, при достижении которых субсистемы социальной системы становятся отдельными социальными системами⁶, при этом разрушая материнскую систему, хотя материнская система может сохраняться длительное время по причине того, что разрушение такой системы не имеет достаточной выгоды для дочерних субсистем⁷. Данный вариант преодоления предела сложности социальной системы является количественным и осуществляется в рамках определённой формации (в контексте марксистских рассуждений).

Другой вариант преодоления предела сложности социальной системы является качественным, когда происходит скачок социальной системы во вышестоящую формацию через переформатирование связей данной социальной группы.

Государство и нация — результат развития социальных систем, поскольку:

- власть и этнос — это синергетический эффект эволюции социальной системы;

⁵Параметры пределов социальной системы, которые, на наш взгляд, коррелируют с развитием социальных систем (социумов) относительно коммуникационной доступности от первобытной стаи (орды) до метанации [1, табл. 1], еще предстоит определить. Пределы усложнения социальной системы связаны со стадиями развития социума: стая, семья, племя, род, народ, нация, метанация.

⁶Отметим, что выделение систем, в том числе социальных, достаточно условно, поскольку каждая система входит в вышестоящую систему как субсистема по принципу матрёшки. Соответственно в отношении социальных систем можно выделить как минимум следующие уровневые социальные системы: мегасоциальная система, охватывающая весь земной социум; регионосоциальная система, охватывающая этнос, расположенный в нескольких государственных суверенитетах; макросоциальная система, охватывающая этнос или часть этноса, расположенная под одним государственным суверенитетом; мезосоциальная система, охватывающая этнос или часть этноса внутри части одного государственного суверенитета; микросоциальная система, охватывающая субэтнос одного этноса внутри части одного государственного суверенитета.

⁷Историческим примером такой материнской системы является Священная Римская империя, существовавшая с 962 по 1806 г., поскольку данная социальная система не имела критических пересечений интересов с составляющими ее дочерними социальными системами. Фактически такие социальные системы существуют на бумаге.

— власть и этнос — это инструмент конкуренции с другими социальными системами;

— власть и этнос системно и эволюционно неразделимы между собой.

В настоящее время системная диада власть—этнос представляет собой диаду государство—нация¹.

Власть — результат дифференциации внутренней структуры социальной системы², позволяющей:

— быстрее и более эффективно реагировать на внешние вызовы, поскольку появляются субсистемы, специализированные («заточенные») на определённые вызовы³, через построение необходимых адаптивных сетей (временных связей между элементами), но при этом возникает необходимость конфигурировать сети адекватного ответа на вызов на основании субсистем, а также стабилизировать состояние социальной сети. То есть власть — это надсубсистемное свойство, позволяющее построить необходимую сетевую конфигурацию социальной системы в отношении вызова⁴ и стабилизации состояния социальной системы. На данный момент наиболее эффективным системным инструментом является власть в виде государства, позволяющая быстро концентрировать ресурсы системы для её сохранения;

— максимизировать расширение социальной системы.

Этнос — это построение связей между элементами социальной системы в контексте ведущей связи на основе этнической идентичности (далее ведущая этническая связь).

Любая социальная система состоит как минимум из активных элементов (люди), пассивных элементов (материальная основа) и связей (отношений) между элементами⁵.

¹ Составляющие диады власть—этнос равнозначны.

² Чем более дифференцирована социальная система, тем она более устойчивее.

³ Наглядным примером является эволюция вооружённых сил — от народного ополчения на заре цивилизации до армии со специализированными подразделениями.

⁴ На наш взгляд, основное разграничение системы (system) и сети (network) состоит в темпоральной стабильности («жёсткости») и обособленности элементно-связной конструкции/состава. Система — стабильная и обособленная элементно-связная конструкция в течение длительного времени, как в отношении элементов, так и в отношении связей, в то время как сеть — адаптивная элементно-связная конструкция с меняющимся элементным и связным составом, при этом сеть может объединять элементы различных систем.

⁵ Для настоящей статьи будем именовать активный элемент (человека) этнической социальной системы —

Между элементами существует множество связей⁶. При этом можно выделить ведущую связь, которая определяет социальную систему и контексты для ведомых связей, и ведомые связи (субсвязи), существующие в контексте ведущей связи. В зависимости от признака ведущей связи формируются те или иные социальные системы. Например, профессиональные сообщества формируются на основании ведущей связи — профессиональной деятельности (юристы, экономисты, работники сельского хозяйства и т. д.)⁷.

Логика цивилизационного развития показала, что наиболее эффективной социальной системой является социальная система с ведущей этнической связью (далее — этническая система), позволяющая объединить максимально возможное количество разнородных элементов.

этник — человек с определённой этнической идентичностью, пассивный элемент — этноартефакт — этнический артефакт, отображающий определённую этническую идентичность.

⁶ Отсюда индивидуум как элемент социальной системы полисвязен (поликонтекстен, полисистемен, полисоциален), то есть он может входить во множество социальных систем.

⁷ Элементы социальной системы статичны, а связи динамичны, тем самым связи определяют социальную систему. Безусловно, качество и количество элементов социальной системы важны, но в условиях современного технологического развития главными признаками элементов становятся качественные, а количественные признаки элементов теряют определяющую роль. Отсюда, например, расцвет и продвижение небинарных гендеров, которые были невозможны буквально пятьдесят лет назад, поскольку они препятствовали количественному увеличению элементов социальной системы, что возможно только в условиях бинарных гендеров и является способом увеличения элементной базы и расширения социальной системы, в частности, демографическим оружием социальных систем. Основным конкурентным преимуществом социальной системы до постиндустриальной эпохи являлось количество её элементов, которое могло нивелировать технологическое и организационное преимущество других конкурирующих социальных систем. Увеличение элементов происходило как через деторождение с соответствующим запретом небинарных гендеров, в том числе религиозных текстах (Библия. Бытие 1:28 «Плодитесь и размножайтесь»), так и вовлечением элементов, ранее не задействованных в определённых социальных связях, например, вовлечение женщин и детей в процессы промышленного производства через механизмы феминизации и эмансипации, что позволило увеличить промышленный потенциал. В настоящее время из-за технологического развития стоят задачи «выключения» излишних элементов из социальных связей и количественного уменьшения элементов, что определяет логику современного цивилизационного развития, а также логику реформирования социальных систем, например, посредством полигендерных стратегий.

Конкурентной ведущей связью является ведущая связь, основанная на религиозной идентичности (далее — ведущая религиозная связь), позволяющая охватывать большее количество разнородных элементов, поскольку она шире и включает в себя этническую идентичность.

Причина того, что основой социальных систем стали ведущие этнические связи, а не ведущие религиозные связи, — наличие коммуникационной доступности, представляющей собой эффективное расстояние общественных отношений. Ведущие этнические связи оптимально соответствовали существовавшей коммуникационной доступности социальных систем.

Соответственно, государства и нации формировались в пределах коммуникационной доступности.

Ведущая религиозная связь, особенно касающаяся мировых религий, могла превышать коммуникационную эффективность социальной системы, что приводило к превышению управления территорией над управляемой территорией¹, что в свою очередь вело к неизбежному дроблению социальной системы с ведущей религиозной связью на социальные системы, соответствующие её коммуникационной доступности, и последующему переопределению в качестве ведущей этнической связи, которая оптимизировала и стабилизировала возникшую социальную систему².

Нациестроительство относимо к построению социальных систем с ведущей этнической связью и сопряжено с государственностроительством, которые являются синергетическими свойствами и эффектами усложнения социальной системы, возникающими из-за присущего социальной

¹ См. подробнее: Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: базовое соответствие территориального управления и управляемой территории // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2019. № 3 (41). С. 45–51.

² В качестве примера можно привести Арабский халифат, созданный на основе ведущей религиозной связи.

Относительно существующей коммуникационной доступности, особенно информационной, можно спрогнозировать ренессанс и/или возникновение религий или иных мировоззренческих систем, которые потенциально могут стать ведущей связью социальных систем, более эффективной, чем этнические связи, поскольку существующая коммуникационная доступность шире существовавшей коммуникационной доступности, относительно которой была эффективна ведущая этническая связь, что, например, проявляется поиском западной цивилизацией новой ведущей связи для формирования более глобальных социальных систем, ошибочно воспринимаемой как её деградация.

системе свойства к расширению (максимизации) и конкуренции с иными социальными системами³. Тем самым нациестроительство и государственностроительство являются частями социостроительства, представляющего собой создание социальных систем.

Другим элементом этноса является этническая самоидентификация, относительно которой и с помощью которой строится/восстанавливается этнос.

Материалы и методы исследования

Исследование было проведено автором с использованием методов описательного, проблематического, эволюционного, сравнительного и функционального анализа и синтеза, систематизации и интерпретации. Основными материалами выступили нормативные, программные и стратегические документы, регламентирующие административно-территориальное устройство России и Удмуртии, а также актуальные научные источники по проблеме этногенеза, нациестроительства, административно-территориальной реформы, в том числе научные труды, определяющие роль национальных отношений в административно-территориальном делении.

Результаты исследования и их обсуждение

Покажем некоторые точки зрения исследователей этнической идентичности.

В. И. Надольская считает, что субъектами цивилизационного кода выступают индивиды, социальные группы, нации, народы — носители и передатчики определённой кодовой информации [6, с. 747]. По О. Ю. Яхшияну, современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код в религиозном (православном) и языковом (русском) контексте [7, с. 53]. Для А. А. Гуцалова цивилизационный код усматривается во взаимосвязи трёх составляющих — идентичности, ценностей и культуры [8].

По Д. Г. Лошакову, российскому цивилизационному коду характерно доминирование коллективных норм и ценностей (общинных, сословных, классовых, государственных) над индивидуальными [9, с. 62]⁴. Е. В. Свиридкина выделяет три критерия глубинных свойств русского цивили-

³ Отметим, что государство- и нациестроительство являются эволюцией диады власть—этнос.

⁴ Отметим, что контекст статьи Д. Г. Лошакова предполагает наличие в российском цивилизационном коде государствоориентированности российского общества и цивилизационный код представляется в виде диады: сильное государство и бедное, несамостоятельное население [9, с. 61].

лизационного кода — правда, свобода, преобразование [10, с. 40].

С. В. Попова выделяет в качестве ключевого показателя цивилизационного кода России идею «Великой России», стержнем которого выступает духовность, влияющая в разных формах и на общество в целом, и на каждого гражданина страны в отдельности [11, с. 256].

В. И. Котляров выделяет две интерпретации цивилизационного кода:

– в широком смысле, цивилизационный код — это сложившийся и закрепившийся в сознании и поведении людей строго фиксированный набор смыслов и генетических, социальных и культурных ценностей, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил хранения поведенческих форматов и знаний, благодаря которым историческая память и социальный опыт, умения и навыки передаются от поколения к поколению, регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития цивилизационных отношений;

– в узком смысле: цивилизационный код — это закономерно связанные друг с другом элементы (взгляды и знания, ценности и традиции), существующие в генетических, социальных и культурных кодах и детерминирующие активность социальных субъектов, направленную на сохранение обычаев и исторической памяти, поиск новых путей и возможностей целенаправленного влияния на развитие цивилизационных отношений [12, с. 726].

А. В. Щипков даёт следующее определение цивилизационного кода: это компоненты идентичности в картине мира народа, нации или цивилизации, которые выражают себя в разных исторических ситуациях, при разных режимах, в разных культурных контекстах [13, с. 31]. Б. В. Межуев скептически относится к цивилизационному коду и считает, что если у России и существует некий особый «цивилизационный код», то он состоит в явном сопротивлении тренду на дискредитацию фигуры Отца-Царя-Бога, то есть в спасении основ патриархальной цивилизации, но в рамках христианства [14, с. 40], как результат цивилизационного сопротивления экспансии внешней среды.

Ю. В. Пазюк, В. А. Кубрина, В. П. Ефимова считают, что культурный (цивилизационный) код — это:

– ключ к пониманию данного типа культуры, уникальные культурные особенности, доставши-

еся народу от предков, закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать эту культуру;

– совокупность устойчивых, неизменных принципов, которые определяют своеобразие материальной деятельности людей, социальную организацию и духовные начала, относительно которых осуществляется производство и воспроизводство всего сообщества как целостного социального организма [15, с. 80].

М. Калашников и С. В. Кугушев оперируют понятием «топос» (генокод), представляющим собой структуру-программу, которая задаёт стабильность, границы перемен, их направление [16].

По Н. П. Денисюк, объективным основанием этнической идентичности является общность культуры, наличие общих ценностей, взаимной коммуникации членов группы; при этом этнокультурные основания идентичности воспроизводятся через сохранение исторических корней народа, символических форм, преданий, мифов, через религию, язык, фольклор, соответственно объективные этнокультурные, языковые, религиозные различия конкретных общностей создают антитезу «мы—они», в результате чего на основе «мы» формируется групповая идентификация, которая выражается в идеологии, психологии, культуре, национальной символике, совместной деятельности представителей данного этноса [17, с. 87].

Для Р. Р. Фахрутдинова и Р. Ю. Мамедлаева национальная принадлежность индивида определяется его самосознанием, базирующимся на антитезе «мы—они» и реализуемым в категории национальной принадлежности и национальной самоидентификации [18].

Для В. Р. Филиппова, исходя из того, что непротиворечивого определения понятий «этнос» и «этничность» не предложено, существование маркируемых ими социальных феноменов может считаться не более чем гипотезой [19, с. 170], при этом описательно отмечается, что индивидуум может входить в несколько социальных групп, из-за чего возникает «наслоение». По мнению Филиппова, в результате «наслоения» реальных социальных групп возникает иллюзорное множество, интерпретируемое на уровне обыденного сознания как «народ», на уровне научной категоризации — как «этнос» или «этническая общность» [19, с. 168].

Р. А. Гресь представляет этническую идентичность как целостную структуру, но включающую в себя две составляющие: 1) саму этническую

идентичность, являющуюся естественной идентичностью и связанную с аскриптивными, природными, географическими и расовыми идентичностями; 2) квазиэтническую идентичность, относящуюся к искусственным и связанную с политическими, цивилизационными, культурными, социальными и экономическими идентичностями [20, с. 52].

Ч. К. О. Ламажаа скептически относится к возможности возникновения одного мегаэтноса человечества в контексте современных глобализационных тенденций [21, с. 181].

Если подытожить данную выборку точек зрения, то можно прийти к следующему выводу: этническая идентичность представляет собой один из видов идентичностей, отождествлённой с этнически определённой социальной группой, отграниченной по антитезе «мы—они»¹ и реализуемой определённым наследуемым комплексом идентичности через языковые, мировоззренческие и иные поколенческие паттерны (шаблоны).

Приведём критический обзор определения этноса Ю. В. Бромлея², согласно которому этнос — исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) [22, с. 58].

Из указанного определения этноса можно выделить следующие атрибуты (признаки) этноса:

- Необходимость определённой территории предполагает наличие территориального ограничения определённого этноса. Но существуют этносы, которые территориально не закреплены, например, цыгане, китайские и еврейские диаспоры. Территориальная определённость является стартовым условием возникновения этноса;

- Историческая сложность этноса предпо-

¹ В настоящий момент в силу расширения коммуникационной доступности становится более эффективной антитеза «я—он(-и), которая будет определяющей в будущем и породит множество этнических идентичностей.

² Разбор данной позиции связан с тем, что она является основной и определяющей в российской практике национальных отношений. Отметим, что данное понимание этноса вытекает из определения нации, данного И. В. Сталиным: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [23].

лагает достаточно длительную эволюцию некоторой совокупности людей до того момента, когда она становится и/или ощущает себя этносом, в то время как определённый этнос может появиться внезапно, например, римляне, персы, русские³. Тем самым появление этноса — это фазовый переход определённой совокупности людей, осознавших этническую идентичность. Возникший этнос, в силу системного свойства — гомеостаза — неуничтожим и реплицируется до момента его «встраивания» в более конкурентоспособный этнос, но при этом он становится «спящим» этносом, способным пробудиться при возникновении необходимых условий⁴.

- Относительно стабильные особенности культуры (включая язык) не могут являться критическими признаками определённого этноса, что подтверждается большим количеством представителей малых российских этносов, не владеющих родным языком, но при этом самоотносимых к определённым этносам. Расхождение этноса влечёт за собой расхождение языкового интерфейса, начиная с диалектического, как, например, происходит политически обусловленное выделение из русского этноса украинского и белорусского этносов⁵. Существующая языковая классификация этносов не может быть основой выделения этноса и является классификацией языковых интерфейсов.

- Особенность психики не может служить обязательным (критическим) атрибутом этноса, поскольку абсолютно любой человек может войти в открытый этнос в результате воспитания, на-

³ Некоторым аналогом может быть кристаллизация, в результате которой вещество, при достижении им определённого количества, превращается в кристалл — структурно упорядоченную систему. В данном случае можно говорить об этногенезной революции, приводящей к возникновению этнической системы.

⁴ Полностью уничтожить этнос можно в случае полного уничтожения носителей этничности — этников и этноартефактов. Тем самым древнейшая практика депортации народов не есть попытка уничтожения данных народов, а способ государственного наказания определённого этноса за некие коллективные «прегрешения» перед государством. Для эффективной попытки уничтожения этноса необходимо длительное поэлементное рассеяние этников в среде других этносов с разрывом всех возможных связей между этниками и уничтожением этноартефактов.

⁵ Данное выделение началось в советское время, когда большевиками была начата, в частности, искусственная деассимиляция крупных этносов как применение принципа «разделяй и властвуй» в этническом изложении. Практика советского периода конструирования и декомпозиции этносов требует отдельного изучения.

пример, существуют русские африканцы¹. Психическая конструкция человека генетически индивидуальна и не совпадает с другими психическими конструкциями², но при этом универсальна. Из анализируемого определения возникает возможность групповой генетически обусловленной психической конструкции, что в принципе на данный эволюционный момент к человеку не применимо³.

- Самоназвание (этноним) также не может являться критическим артефактом этноса, поскольку служит определённым идентификатором, а не свойством этноса и многими этносами менялось: так, персы стали иранцами, а ряд российских этносов поменяли свой этноним, в том числе удмурты⁴.

Критическим признаком этноса из анализируемого определения остаётся этническое самосознание, скорее самоосознание индивидуума этником (элементом) данной этнической системы.

Выделим атрибуты этнической системы, направленные на отграничивание (огораживание) от других этнических систем, утверждая «самость» этнической системы:

- обязательные (базовые) атрибуты, являющиеся базовыми для этнической идентичности, обязательные для любой этнической системы⁵;

¹ Воспитание в формировании этнической идентичности является определяющим, поскольку оно чаще всего с рождения «неявное» и импринтинговое и определяет базовую этническую самоидентичность.

² Тем самым возможно определение отпечатка индивидуальной психической конструкции по аналогии с отпечатками пальцев и ДНК.

³ На данный момент говорить о генетических различиях идентичностей, в том числе расовых и этнических, как об критических атрибутах идентичности, ненаучно по причине того, что сочетание различных рас и этносов даёт размножающееся потомство, тем самым генетические границы идентичностей отсутствуют. Следовательно, генетическая основа идентичностей не является их критически определяющей. Могут существовать необязательные (некритические) фенотипические атрибуты идентичностей, возникшие/возникающие в результате фенотипической дисперсии и филетической эволюции.

⁴ Ламуты и самоды: как раньше назывались народы нашей страны. URL: <https://weekend.rambler.ru/other/42421838-lamuty-i-samoedy-kak-ranshe-nazyvalis-narody-nashey-strany/> (дата обращения: 31.12.2021).

Для современных цифровых этносов критерии, указанные Ю. В. Бромлеем, кроме этнического самосознания, несущественны. Возникновение цифровых этносов происходит на наших глазах, и вскоре они будут легитимизированы и введены в научный оборот, хотя возможно исчезновение этнических идентичностей.

⁵ На данный момент автор пришёл к выводу о суще-

– факультативные атрибуты, варьирующиеся в зависимости от факторов этнической идентичности.

Основа любой этнической идентичности — это самоотождествление активного элемента (индивидуума) с определённой социальной системой с ведущей этнической связью, тем самым принятие существующего в данной социальной системе сложившегося и неоднократно повторяемого (реплицируемого) некоторого базового комплекса внутрисистемного отношения между элементами, отграничиваемого относительно внешней среды, в том числе от других социальных систем. Следовательно, существует базовый комплекс самоотождествления с этнической системой как таковой.

Тем самым этнос — это реплицируемое этническое самоотождествление.

При этом можно выделить первичное этническое самоотождествление (базовая этническая идентичность), возникающее на ранних стадиях развития ребёнка в определённой этнической среде, и приобретённое самоотождествление, возникающее при вхождении в другую этническую среду, что характерно для российских субэтносов. Отсюда феномен бинациональности (полинациональности) — двойной (множественной) этнической идентификации.

Э. Алос и Фонт в своих исследованиях отмечают наличие феномена двойной идентификации у части чувашского населения [24, с. 277]. Отмечена бинациональность в старших поколениях Ставропольского края⁶. Как отмечает М. В. Братерский, бинациональность — главная отличительная черта и основной «связующий раствор» американской нации [25]. Д. А. Салимова предлагает термин «бинациональная личность», отражающий не только наличие бинациональной картины мира, но и взаимовлияние двух культур и языков, вплоть до их синтеза, но на новом уровне восприятия и сознания [26].

И. Ягнинский на примере евреев пишет, что, бинациональность свидетельствует, по видимому, о незавершённом процессе ассимиляции этих людей, либо напротив, о процессе реассимиляции, то есть эволюции их национального

существования одного базового атрибута этноса — самоотождествления.

⁶ Анализ результатов исследования «Национально-культурная идентичность и развитие культурной индивидуальности населения Ставропольского края». URL: <http://skdnt.ru/sotsiologicheskie-issledovaniya/socissledovaniya2015/>.

самосознания в сторону еврейства [27, с. 192], тем самым, бинациональность — это незавершённая этноса.

В настоящее время основное научное представление этнической идентичности происходит через атрибуты элементов этнической системы, когда элементы этноса формируют её — элементную модель этноса. Предложим рассматривать этническую идентичность через атрибуты связей (отношений) элементов социальной системы — связную модель этноса¹.

Связная модель этноса² — это схема этноса, где связи между элементами являются критическим признаком этноса и этнической идентичности, то есть связи формируют этнос. Следовательно, необходимо определить свойства связей в этническом приложении. Для дальнейших рассуждений используем некоторые представления И. В. Блауберга, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина о связях [28], а также, по мере необходимости, иных авторов, исследующих системы.

Направленность этнических связей формирует этническую систему относительно ведущей этнической связи через направленность этников и этнических субсистем. Соответственно можно выделить относительно ведущей этнической связи положительные направленные и отрицательно направленные субсвязи.

Сила этнических связей формирует устойчивость этнической системы и характеризует степень связности этников и этнических субсистем.

Совокупность направленности и силы этнических связей синергетически порождают мощь определённого этноса и определяют её потенциальные возможности. Данная совокупность может быть обозначена как этнический вектор относительно которого может быть применён векторный анализ³.

Сумма этнических направленностей этников и этнических систем с учётом влияния силы эт-

нических связей является результирующим этническим вектором этнической системы⁴, который может отличаться от идеального этнического вектора.

Открытость/закрытость этнической системы — факультативный признак этнической системы и зависит от двух условий: соотношения потенциалов внутренней среды и внешней среды и сжатия/расширения коммуникационной доступности. Открытость/закрытость этнической системы можно представить в виде рис. 1.

Открытость/закрытость этнической системы реализуется через адаптивность этнической системы, предполагающей количественное и качественное приспособление к изменению внешней среды и коммуникационной доступности. В зависимости от ситуации этническая система либо закрывается или открывается через определённые механизмы и стратегии.

Адаптивность этнической системы реализуется посредством ассимиляционных и деассимиляционных процессов.

Ассимиляционные процессы возникают при увеличении потенциала внутренней среды относительно внешней и/или коммуникационной доступности, что позволяет включать в этнос субэтносы.

Деассимиляционные процессы возникают, когда потенциал внутренней среды относительно внешней среды и/или коммуникационная доступность уменьшаются, и этнос дробится на более мелкие этносы, а имеющиеся субэтносы переходят в состояние этносов.

Малые этносы отличаются определённой закрытостью, трайбализмом (поддержкой соплеменников)⁵, соблюдением чистоты крови⁶ и т. д., поскольку иначе они будут поглощены более крупными этносами, то есть все самоизоляционистские мероприятия — это их защитный механизм.

¹ Обе модели этноса возможно объединить в элементно-связную модель этноса.

² Данная модель в контексте темы настоящей статьи рассматривается схематично.

³ Пример авторского применения векторов в социальных системах в части управления: Ямилов Р. М. Проблемный аспект внедрения проектного управления в государственное и муниципальное управления // Новые вызовы в области общественных наук: предмет, методы, технологии высшего образования : сборник трудов Второй Всероссийской научно-методической конференции / под общ. ред. В. И. Бархатова. Челябинск, 2021. С. 258–266. Отметим существующую нерешённость применения векторов наукой в исследовании социальных систем.

⁴ Здесь необходимо уточнить, что этническая система является субсистемой социальной системы, достигающей своей цели. Соответственно, этническая система — это один из инструментов социальной системы. Возникает вопрос о сопряжённости этнической системы как субсистемы социальной системы с самой социальной системой и необходимости разработки этнической векторизации и его эффектов как инструмента решения этнических (национальных) вопросов.

⁵ Что порождает этнический nepoтизм и этническую дискриминацию.

⁶ Вопрос крови, который критичен для малых этносов, не исчезает в больших этносах, он переходит классовую (стратовую) плоскость, когда элита формируется на принципе крови.

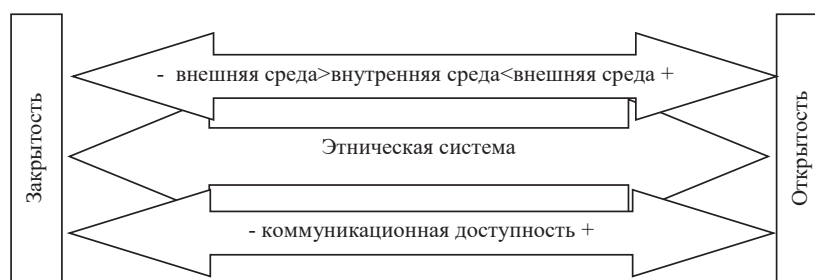

Рис. 1. Модель открытости/закрытости этнической системы
Fig. 1. The model of openness/closeness of the ethnic system

Как отмечает В. А. Шнирельман, интерес к своему происхождению и этнической истории более характерен и ярко выражен у малочисленных народов, у этнических меньшинств, чем у доминирующих групп населения, из-за чего первые испытывают фактически или ощущают психологически ту или иную форму дискриминации и пытаются бороться с ней через апелляцию к золотому веку¹, тогда как доминирующее большинство отождествляет себя с местной государственностью, ассоциируют себя с универсальными или общенациональными (государственными), а не специфически этническими ценностями, этническое самосознание ослаблено [29, с. 111].

Потенциал внутренней среды этноса может быть увеличен относительно внешней среды через более оптимальную организационную структуру, технологический уровень и т. д.

Влияние коммуникационной доступности на этногенез можно проиллюстрировать множеством горных и островных этносов относительно малочисленных равнинных этносов при сопоставимом географическом пространстве².

Ассимиляция/деассимиляция этносов³ — про-

¹Отсюда различной степени мифотворчество, причём малочисленность народа-мифотворца не имеет особого значения, скорее всего, существует некий групповой психологический комплекс неполноценности этноса, выраженной в государственной и этнической несостоятельности, которая компенсируется конструируемыми мифической древностью происхождения и мифическими победами.

²Отсюда достаточно сложно создать единый этнос из горных и островных народов, пока не появится доступная транспортная связность как физическая основа коммуникационной доступности.

³Исторически ассимиляция/деассимиляция этносов происходила эволюционным путём на основе колебаний потенциала внутренней среды и коммуникационной доступности. В СССР была осуществлена попытка этностроительства, в результате которой появились новые, «искусственные» этносы вне зависимости от коммуникационной доступности и их потенциалов и вопреки логике развития этносов. Эта практика советского этностроительства требует отдельных исследований. Отметим, что такой практикой пользовалась/

цессы постоянные, следовательно, «застывших» этносов не существует, они постоянно исчезают и возникают⁴.

Одним из факторов возникновения этноса является географическая отграниченность некоторой социальной группы от «материнского этноса» от других, возникающая вследствие уменьшения и/или разрыва коммуникационной доступности в течение определённого времени⁵, в результате чего появляется расхождение в базовых и факультативных атрибутах от «материнского этноса»: самоотождествления, мироощущения, языкового интерфейса и т. д. Любой этнос со временем распадается на субэтносы, которые становятся этносами.

Чем шире рассматриваемый географический локус, тем разнообразнее этносы. Существующие нации сложены из множества субэтносов. Этнически чистые пространственные локусы возможны только в минимальных пространственных точках, представленных в виде малых поселений. Сохранение этноса, особенно подчинённого, возможно через сохранение малых поселений, поскольку в городах этносы с течением времени нивелируются по доминирующему этносу.

Исходя из вышесказанного можно предложить концепцию этникоценоза⁶ — географически обу-

пользуется Великобритания. В настоящее время мы наблюдаем искусственное, политически мотивированное другими конкурирующими этносами расхождение бывших субэтносов российского этноса. При снятии политического индуцирования данного расхождения, в силу коммуникационной доступности и потенциала внутренней среды, произойдёт субсистемное возвращение данных этносов в российский этнос.

⁴Этногенезная эволюция, в случае ассимиляции — объединение этносов, в случае диссимиляции — выделение этносов из материнского этноса.

⁵Для формирования нового этноса из субэтноса необходима как минимум смена трёх поколений данного субэтноса, хотя, по мнению С. П. Иваненкова и А. Ж. Кусжановой, в XX в. произошёл переход к четырёхзвенной, четырёхпоколенной структуре социума [30].

⁶Данный термин использован потому, что термин «этноценоз» использован Л. Гумилёвым.

словленной геобиоценозно сбалансированной совокупности этносов.

Другой фактор, влияющий на этнос, — это признание этноса таковым другими этносами, в первую очередь, окружающими¹.

Перейдём к вопросу о влиянии этноса на публичное управление и АТР.

На рис. 2 показана упрощённая схема равноправного взаимодействия этносов и государства, из которой видно, что равноправие этносов выражается как в равенстве этносов между собой и с государством, так и в равенстве связей, в том числе этнических, между этносами и государством и между этносами, что закреплено во вступлении Конституции РФ как принцип равенства народов².

На рис. 3 отражена упрощённая схема неравноправного взаимодействия этносов и государства, в том числе при наличии двух неравноценных территориальных образований: национальных республик и областей (краёв), из-за чего возникают неравные связи, в том числе этнические, между государством и этносами, между этносами на определённой административной территории.

Неравноправное взаимодействие этносов и государства существует и конституционно закреплено в российской действительности.

Если проанализировать Конституцию РФ, то можно выделить:

- национальные субъекты РФ с определёнными конституционными преимуществами:
  - право на национальный язык на территории национальной республики и использование его в качестве государственного языка (ч. 2. ст. 68 Конституции РФ). В Конституции Удмуртской Республики государственным языком являются русский и удмуртский языки (ст. 8 Конституции УР);
  - конституция республики (ч. 1. ст. 66 Конституции РФ). В Конституции УР указано, что Удмуртия — это государство (ч. 1. ст. 1 Конституции УР)³;
- безнациональные субъекты РФ, у которых нет дополнительных прав.

Тем самым существуют неустранимые противоречия в Конституции РФ, декларирующей ра-

¹ Своеобразный этнический суверенитет. Например, казаки и поморы считают себя отдельными этносами, но в качестве таковых не признаются ни другими этносами, ни государством.

² Размерами стрелок на рис. 2, 3 показаны равенство/неравенство связей между этносами и государством.

³ В конституциях национальных республик заложен «спящий» суверенитет, завуалированный в той или иной форме, который может быть реализован в созревших условиях, что приведёт к крушению РФ.

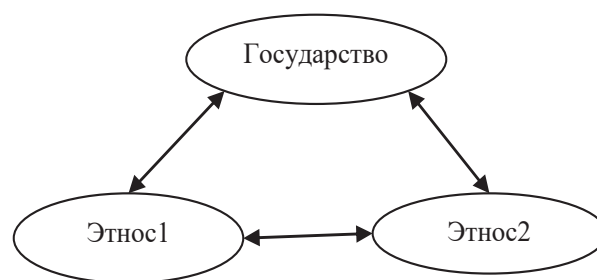

Рис. 2. Упрощённая схема равноправного взаимодействия этносов и государства

Fig. 2. Simplified scheme of equal interaction of ethnic groups and the state

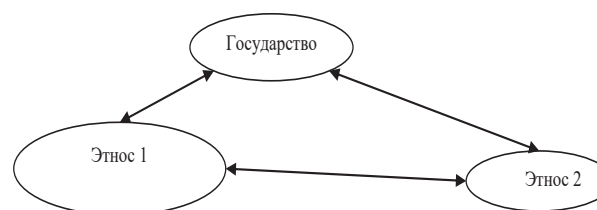

Рис. 3. Упрощённая схема неравноправного взаимодействия этносов и государства

Fig. 3. Simplified scheme of unequal interaction of ethnic groups and the state

венство народов и преимущество некоторых этносов на определённых территориях.

В Конституции УР установлен примат удмуртского народа над остальными этносами (ч. 1 ст. 1 Конституции УР), что порождает законодательное преимущество титульной нации.

Рассмотрим обоснованность этнического преимущества на примере УР (табл. 1), из которой видно, что преобладание удмуртов имеется в 14 районах: Алнашском, Балезинском, Вавожском, Глазовском, Дебесском, Кезском, Кизнерском, Малопургинском, Можгинском, Селтинском, Шарканском, Юкаменском, Якшур-Бодьинском, Ярском с суммарной численностью 140 тыс. чел., при этом в УР численность удмуртов составляет 28,21 %. Отсюда возникает вопрос о соответствии ареала удмуртов административно закреплённой территории.

Согласно определению ЮНЕСКО, национальное государство — это область, в которой культурные границы сливаются с политическими границами, при этом идеал национального государства состоит в том, чтобы государство включало в себя людей одной этнической и культурной основы⁴. Данное определение применимо

⁴ Etat-nation. URL: <https://wayback.archive-it.org/10611/2017112225118/http://www.unesco.org/new/fr/social-and-human-sciences/themes/international-mi>

Порайонный национальный состав Удмуртской Республики (2010 г.)¹
The regional national composition of the Udmurt Republic (2010)

Район ¹	Всего	человек				%			
		русские	удмурты	татары	прочие	русские	удмурты	татары	прочие
Удмуртская Республика	1 266 293	737 920	357 204	86 620	17 084	58,27	28,21	6,84	1,35
г. Ижевск	530 910	356 792	85 034	48 842	6 408	67,20	16,02	9,20	1,21
г. Воткинск	82 368	63 585	7 854	2 801	696	77,20	9,54	3,40	0,84
г. Глазов	81 839	43 327	25 863	3 873	1 032	52,94	31,60	4,73	1,26
г. Можга	39 078	20 556	11 328	5 990	235	52,60	28,99	15,33	0,60
г. Сарапул	85 527	66 635	3 005	7 582	1 212	77,91	3,51	8,87	1,42
<i>Алнашский район</i>	<i>15 923</i>	<i>1 942</i>	<i>12 973</i>	<i>528</i>	<i>384</i>	<i>12,20</i>	<i>81,47</i>	<i>3,32</i>	<i>2,41</i>
<i>Балезинский район</i>	<i>28 113</i>	<i>8 892</i>	<i>15 524</i>	<i>2 822</i>	<i>343</i>	<i>31,63</i>	<i>55,22</i>	<i>10,04</i>	<i>1,22</i>
<i>Вавожский район</i>	<i>13 045</i>	<i>5 009</i>	<i>7 509</i>	<i>118</i>	<i>61</i>	<i>38,40</i>	<i>57,56</i>	<i>0,90</i>	<i>0,47</i>
Воткинский район	19 567	14 623	3 932	464	104	74,73	20,10	2,37	0,53
<i>Глазовский район</i>	<i>14 402</i>	<i>3 605</i>	<i>10 054</i>	<i>368</i>	<i>137</i>	<i>25,03</i>	<i>69,81</i>	<i>2,56</i>	<i>0,95</i>
Граховский район	7 665	3 094	2 891	417	821	40,37	37,72	5,44	10,71
<i>Дебесский район</i>	<i>10 272</i>	<i>2 157</i>	<i>7 795</i>	<i>39</i>	<i>44</i>	<i>21,00</i>	<i>75,89</i>	<i>0,38</i>	<i>0,43</i>
Завьяловский район	54 745	26 419	23 327	2 498	477	48,26	42,61	4,56	0,87
<i>Игринский район</i>	<i>31 206</i>	<i>11 102</i>	<i>18 844</i>	<i>449</i>	<i>187</i>	<i>35,58</i>	<i>60,39</i>	<i>1,44</i>	<i>0,60</i>
Камбарский район	14 957	12 258	678	1 412	256	81,95	4,53	9,44	1,71
Каракулинский район	9 967	7 126	483	352	1 830	71,50	4,85	3,53	18,36
<i>Кезский район</i>	<i>18 499</i>	<i>5 374</i>	<i>12 239</i>	<i>155</i>	<i>42</i>	<i>29,05</i>	<i>66,16</i>	<i>0,84</i>	<i>0,23</i>
<i>Кизнерский район</i>	<i>16 521</i>	<i>7 373</i>	<i>7 456</i>	<i>1 164</i>	<i>223</i>	<i>44,63</i>	<i>45,13</i>	<i>7,05</i>	<i>1,35</i>
Киясовский район	8 408	4 719	3 007	416	134	56,13	35,76	4,95	1,59
Красногорский район	8 551	4 815	3 344	133	28	56,31	39,11	1,56	0,33
<i>Малопургинский район</i>	<i>26 206</i>	<i>4 560</i>	<i>19 874</i>	<i>898</i>	<i>172</i>	<i>17,40</i>	<i>75,84</i>	<i>3,43</i>	<i>0,66</i>
<i>Можгинский район</i>	<i>23 336</i>	<i>7 626</i>	<i>14 267</i>	<i>903</i>	<i>127</i>	<i>32,68</i>	<i>61,14</i>	<i>3,87</i>	<i>0,54</i>
Сарапульский район	19 996	15 959	2 021	1 137	403	79,81	10,11	5,69	2,02
<i>Селтинский район</i>	<i>9 144</i>	<i>3 639</i>	<i>5 308</i>	<i>52</i>	<i>45</i>	<i>39,80</i>	<i>58,05</i>	<i>0,57</i>	<i>0,49</i>
Сюмсинский район	10 874	6 057	4 064	386	95	55,70	37,37	3,55	0,87
Увинский район	31 725	16 120	14 127	700	190	50,81	44,53	2,21	0,60
<i>Шарканский район</i>	<i>15 190</i>	<i>2 322</i>	<i>12 638</i>	<i>26</i>	<i>47</i>	<i>15,29</i>	<i>83,20</i>	<i>0,17</i>	<i>0,31</i>
<i>Юкаменский район</i>	<i>8 577</i>	<i>1 505</i>	<i>4 462</i>	<i>1 577</i>	<i>966</i>	<i>17,55</i>	<i>52,02</i>	<i>18,39</i>	<i>11,26</i>
<i>Якиур-Бодьинский район</i>	<i>17 039</i>	<i>6 917</i>	<i>9 253</i>	<i>324</i>	<i>79</i>	<i>40,60</i>	<i>54,30</i>	<i>1,90</i>	<i>0,46</i>
<i>Ярский район</i>	<i>12 643</i>	<i>3 812</i>	<i>8 050</i>	<i>194</i>	<i>220</i>	<i>30,15</i>	<i>63,67</i>	<i>1,53</i>	<i>1,74</i>

Составлено на основании данных².

¹ Курсивом выделены районы с преобладающей численностью удмуртов.

² Итоги Всероссийская перепись населения 2010 года URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/44261>.

для установления ареала этноса, следовательно, территориальная граница этноса может быть определена его неразрывным территориальным

расселением. С учётом дисперсного расселения большинства российских этносов, в том числе удмуртских, уровень территориальной локализации российских этносов — муниципальный.

Соотношения этнического ареала и административного ареала
The ratio of ethnic area and administrative area

Формула	Краткое описание
$EDT = ATE$ (1)	Этнический ареал соответствует административному ареалу. Данное состояние этнически оптимально и не вызывает напряжённости с другими этносами, но территориально ограничивает рост этноса
$EDT > ATE$ (2)	Этнический ареал больше административного ареала. Данное состояние неравновесное — этнос занимает территорию больше административно определённой для него, что порождает запрос на увеличение административного ареала со стороны данного этноса и ведёт к уменьшению данного этноса
$EDT < ATE$ (3)	Этнический ареал меньше административного ареала. Данное состояние неравновесное — этнос занимает территорию меньше административного ареала, что порождает запрос со стороны иных этносов на изменение административного ареала данного этноса и способствует увеличению этого этноса

Другой нерешённый вопрос — каков размер доминирующего этноса на определённой территории?

Частично исследователи пытались решить данный вопрос относительно государств.

По мнению А. Каратницкого (Adrian Karatnysky), моноэтнической может считаться страной, в которой более двух третей населения принадлежит к одной этнической группе [31, р. 9].

По Д. Уилшу (David Welsh), этнически однородными могут называться государства, где национальные меньшинства составляют менее 5 % населения, а доля одного этноса превышает 95 % от общей численности населения [32].

Как отмечает Ю. Баранчик, моноэтнической может считаться страна, в которой количественная численность одной нации составляет 60–80 % от общей численности населения [33].

Для нашей статьи примем, что доминирующим этносом по количеству на определённой территории является этнос с количественным превышением относительно остальных на данной территории¹. Следовательно, удмуртский этнос может считаться доминирующим в 14 сельских районах из 25 муниципальных районов и пяти городов. В целом по УР доминирующим этносом является русский этнос (58,27 %). Отсюда уровень вы-

деления отдельных административных территориальных ареалов для удмуртского этноса — муниципальный.

Для наглядности выразим соотношения этнически определённой территории (EDT — ethnically defined territory), далее — этнический ареал, и административной территории этноса (ATE — administrative territory of an ethnic group), далее — административный ареал следующим образом (табл. 2).

Удмуртский этнос в силу формулы (3) имеет все возможности увеличить свою численность, что подтверждается увеличением численности с 420 тыс. чел. в 1897 г. до 715 тыс. чел. в 1989 г.²

В. Владыкин выделяет северных удмуртов (вотяков), исторически подчинённых нижегородско-суздальским князьям, и южных удмуртов (арских людей), входящих в состав Волжско-Камской Булгарии, а позднее — Золотой Орды и Казанского ханства [34, с. 7].

М. Г. Атаманов выделяет северную и южно-удмуртскую этнозоны с языковой разностью³, не позволяющей представителям разных этнозон⁴ понимать друг друга [35, с. 38], и предлагает следующую языковую схему:

— североудмуртское (сокращённо — северное) наречие, внутри которого выделяются ниже-

¹ Количественное доминирование этноса над другими является одним из видов доминирования, которое достаточно для целей настоящей статьи. Необходимо рассматривать интегральный критерий доминирования этноса, состоящий как минимум из двух групп критериев: количественных (численность, половозрастной состав и т. д.) и качественных (образование, удельный вес этноса в социальных стратах, доля учёных и т. д.), что требует отдельных исследований и разработки интегрального критерия доминирования этноса.

² Удмурты, вотяки. URL: http://www.hrono.ru/etnosy/etnos_u/udmurty.php.

³ Языковая разность — это различные языковые интерфейсы, являющиеся атрибутами этносов, следовательно, можно говорить о разных финно-угорских этносах, искусственно объединённых в удмуртский этнос.

⁴ По логике рассуждений М. Г. Атаманова относительно языковой разности можно считать удмуртский этнос частью другого финно-угорского этноса.

чепецкий, верхнечепецкий диалекты и среднечепецкие говоры, каждый со своими говорами и подговорами;

– южноудмуртское (сокращённо — южное) наречие, в состав которого входят собственно южноудмуртский диалект, буйско-таныпские и верхнеикский (бавлинский) говоры;

– язык бесермян, особой этнической группы удмуртов, имеющей свою особую историю происхождения и культуру [35, с. 44].

В данный момент удмуртский этнос не сформирован как таковой и находится в процессе формирования, запущенном при советской власти, и представляет пример искусственного, управляемого этностроительства. Предварительно о возможности удмуртского этноса можно будет судить в 2052 г. (1920 г. (год образования Вотской автономии) + 33 года (срок жизни поколения) × 4 (количество поколений по [30]).

Выводы

Резюмируя, можно сказать, что:

– этнический аспект публичного управления — уровень муниципального управления, хотя Д. Грушкин отмечает, что местное самоуправление, выраженное в форме национальной автономии, часто носит характер реализации права на самоопределение лишь одного народа, что, во-первых, ущемляет права и свободы других народов, проживающих в данном территориальном образовании, и, во-вторых, представляет

собой потенциальную возможность для проведения дискриминационной политики (прямой или косвенной) по отношению к «нетитульному» населению, вытеснению его из наиболее престижных ниш государственного управления и социально-экономических сфер, способствует созданию благоприятных условий для получения руководящих должностей лицами «титульной» национальности [36, с.76];

– в настоящее время существует конституционно закреплённое неравенство этносов по территориальным образованиям, которое необходимо устранить;

– в настоящее время существует конституционно закреплённый примат удмуртского этноса в Конституции Удмуртской Республики, что является предпосылкой дискриминации иных этносов, проживающих на территории Удмуртии, который необходимо устранить;

– необходимо переводить национальный вопрос с политической и экономической плоскости в культурную, тем более что для этого есть правовые основания¹;

– необходимо искать другую системную ведущую связь российского социума в связи с расширением коммуникационной доступности.

Данные выводы необходимо учитывать при административно-территориальной реформе.

¹ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями).

Список источников

1. Ямилов Р. М. Метанация как основа самоидентификации российского социума // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 (66). С. 264–271.
2. Deutsch K. W., Folt W. J., eds. Nation Building in Comparative Contexts. New York, Atherton, 1966.
3. James P. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. London : Sage Publications, 1996.
4. Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: концептуальные основания переконфигурации российского пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 35–46.
5. Ямилов Р. М. Предпосылки создания цифровой управленческой платформы как способа эффективной налоговой коммуникации // Налоги и финансы. 2019. № 1 (41). С. 20–36.
6. Надольская В. И. Институционализация цивилизационного кода как важнейший механизм становления новой науки о цивилизации // Актуальные проблемы науки и техники : материалы I Международной науч.-техн. конф. (Сарапул, май 2021 г). Ижевск : Изд-во УИР ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2021.
7. Яхшиян О. Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. 2019. № 10. С. 52–58.
8. Гуцалов А. А. Русский цивилизационный код — идентичность, ценности, культура // Культурологический журнал. 2016. № 4 (26). С. 2.
9. Лощаков Д. Г. К вопросу о российском цивилизационном коде // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. Т. 1, № 1. С. 61–64.

10. Свиридкина Е. В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // *Культурное наследие России*. 2018. № 2. С. 35–41.
11. Попова С. В. Российская идентичность: проблема системообразующих оснований цивилизационного кода // *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт* : сборник научных статей. Омск, 2021. С. 242–247.
12. Котляров И. В. Теория цивилизационного кодирования: в поисках новых путей и возможностей // *Актуальные проблемы науки и техники* : материалы I Международной науч.-техн. конф. (Сарапул, май 2021 г.). Ижевск : Изд-во УИР ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2021. 875 с.
13. Щипков А. В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 28–34.
14. Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чём он может заключаться? // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 35.
15. Пазюк Ю. В., Кубрина В. А., Ефимова В. П. Закон жизнестойкости локальных цивилизаций // *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2018. Т. 68, № 4. С. 84–95.
16. Калашников М., Кугушев С. В. Третий проект. Погружение. М. : АСТ, Астрель, 2005. 766 с.
17. Dzenisiuk N. P. Формирование этнической идентичности в современных условиях // *Веснік БДУ*. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 3. С. 86–89.
18. Фахрутдинов Р. Р., Мамедлаев Р. Ю. Феномен идентичности: гражданской или этнической // *Казанский педагогический журнал*. 2013. № 3 (98). С. 172–181.
19. Филиппов В. Р. Фантом этничности (моё постконструктивистское непонимание этнической идентичности) // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2005. № 21. С. 167–171.
20. Гресь Р. А. К вопросу о влиянии процесса урбанизации на интенсивность этнических и квазиэтнических идентичностей // *Символ науки: международный научный журнал*. 2017. № 9. С. 51.
21. Ламажаа Ч. К. О. Границы этнической идентичности // *Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации* : доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М., 2018. С. 177–183.
22. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука. 1983. 412 с.
23. Сталин И. В. Национальный вопрос и социал-демократия // *Просвещение*. 1913. № 3, 4, 5.
24. Алос и Фонт Э. Этноязыковая ситуация в городах Чувашской Республики: социологический аспект // *Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем*: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа : сборник статей / сост. и науч. ред. А. В. Кузнецов. Вып. 2. Чебоксары : ЧГИГН, 2013. С. 265–293.
25. Братерский М. В. Теория модернизации: обзор американских концепций // *США: экономика, политика, идеология*. 1990. № 9. С. 5–6.
26. Салимова Д. А. Интерес к родному языку и сохранение этнической самоидентификации у российских немцев // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 3. С. 375–383.
27. Ягнинский И. У российского еврейства есть будущее? // *Корни*. 2001. № 16. С. 102–122.
28. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем // *Системные исследования: ежегодник*. М. : Наука, 1973. С. 7–29.
29. Шнирельман В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифы в современной России // *Вестник Российской нации*. 2009. № 4 (6). С. 108–125.
30. Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж. Важнейшие факторы самоидентификации и социализации молодёжи во взаимосвязи поколений // *Молодёжь современной России: альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений* : сборник статей / Центр гуманитарных. науч.-информ. исследований; Отд. философии ; отв. ред. В. А. Зернов, Г. В. Хлебников ; ред.-сост. Д. Г. Шкаев. М., 2012. С. 192–223. (Сер. «Проблемы философии»).
31. Karatnycky A. A Good Year for Freedom // *Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1998–1999*. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/Freedom_in_the_World_1998-1999_complete_book.pdf.
32. Welsh D. Domestic politics and ethnic conflict // *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton : Princeton University Press, 1993. P. 43–60.
33. Баранчик Ю. Почему Константин Затулин прав, а Геворг Мирзаян — нет. 11 февраля 2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2855046.html>.

34. Владыкин В. Мелодия небесной росы // Памятники Отечества. 1995. Вып. 1–2. Полное описание России. Удмуртия. URL: http://almanac.voopik.ru/htm/1995_1.htm.

35. Атаманов М. Г. Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 1. С. 27–61.

36. Грушкин Д. Этничность и местное самоуправление // Реформа местного самоуправления в региональном измерении: по материалам из 21 региона Российской Федерации / под ред. С. Рыженкова и Н. Винника. М., 1999. URL: <https://mgimo.ru/files/12216/bms13-2-.pdf>.

References

1. Yamilov R. M. Metanation as the basis of self-identification of the Russian society. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanitarian scientific research*. 2017;(2):264-271. (In Russ.).

2. Deutsch KW, Folt WJ, eds. *Nation Building in Comparative Contexts*. New York, Atherton; 1966.

3. James P. *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. London, Sage Publications; 1996.

4. Yamilov RM. Administrative-territorial reform: conceptual foundations for the reconfiguration of the Russian space. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(3):35-46. (In Russ.).

5. Yamilov RM. Prerequisites for creating a digital management platform as a way of effective tax communication. *Nalogi i finansy = Taxes and Finances*. 2019;(1):20-36. (In Russ.).

6. Nadolskaya VI. Institutionalization of the civilizational code as the most important mechanism for the formation of a new science of civilization. Actual problems of science and technology: conference proceedings I Intern. sci.-tech. conf. (Sarapul, May 2021). Izhevsk; 2021. (In Russ.).

7. Yakhshiyani OYu. Russian cultural (civilizational) code: identity and politics. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2019;(10):52-58. (In Russ.).

8. Gutsalov AA. Russian Civilization Code — Identity, Values, Culture. *Kul'turologicheskij zhurnal = Cultural Journal*. 2016;(4):2. (In Russ.).

9. Loshchakov DG. On the issue of the Russian civilizational code. *Social'no-gumanitarnoe obozrenie = Social and Humanitarian Review*. 2018;(1):61-64. (In Russ.).

10. Sviridkina EV. Justice as a value in the cultural and civilizational code of Russia. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia*. 2018;(2):35-41. (In Russ.).

11. Popova SV. Russian identity: the problem of backbone foundations of the civilizational code. In: Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Collection of scientific articles. Omsk; 2021. Pp. 242–247. (In Russ.).

12. Kotlyarov IV. The theory of civilizational coding: in search of new ways and opportunities. Actual problems of science and technology: conference proceedings I Intern. sci.-tech. conf. (Sarapul, May 2021). Izhevsk; 2021. (In Russ.).

13. Shchipkov AV. The concept of “code” in the framework of the modern civilizational approach. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2018;(7):28-34. (In Russ.).

14. Mezhuhev BV. Does Russia have its own “civilizational code”, and what could it be? *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2018;(7):35. (In Russ.).

15. Pazyuk YuV, Kubrina VA, Efimova VP. The law of viability of local civilizations. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(4):84-95. (In Russ.).

16. Kalashnikov M, Kugushev SV. The third project. Immersion. Moscow, AST, Astrel Publ.; 2005. 766 p. (In Russ.).

17. Dzenisiuk NP. Formation of ethnic identity in modern conditions. *Vesnik BDU. Seryya 3, Gistoryya. Ekanomika. Prava = Vesnik BDU. Series 3, History. Economics. The rights*. 2013;(3):86-89. (In Russ.).

18. Fakhrutdinov RR, Mamedlaev RYu. The phenomenon of identity: civil or ethnic. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2013;(3):172-181. (In Russ.).

19. Filippov VR. Phantom of ethnicity (my post-constructivist misunderstanding of ethnic identity). *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij = Diary of the Altai School of Political Studies*. 2005;(21):67-171. (In Russ.).

20. Gres RA. On the issue of the impact of the urbanization process on the intensity of ethnic and quasi-ethnic identities. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal = Symbol of science: international scientific journal*. 2017;(9):51. (In Russ.).

21. Lamajaa ChKO. Borders of ethnic identity. In the collection: Moiseev readings: Culture and humanitarian problems of modern civilization. reports and materials of the All-Russian scientific conference. Moscow; 2018. Pp. 177–183. (In Russ.).
22. Bromley YuV. Essays on the theory of ethnos. Moscow, Nauka; 1983. 412 p. (In Russ.).
23. Stalin IV. The National Question and Social Democracy. *Prosveshchenie = Education*. 1913;(3, 4, 5). (In Russ.).
24. Alos and Font E. Ethno-linguistic situation in the cities of the Chuvash Republic: a sociological aspect. Chăvash halăkh istoriiëpe kulturin çivëch ytävësem: articlesen pukhkhi = Topical issues of the history and culture of the Chuvash people: collection of articles. Issue. 2. Cheboksary; 2013. Pp. 265–293. (In Russ.).
25. Bratersky MV. Modernization Theory: A Review of American Concepts. *SSHA: ekonomika, politika, ideologiya = USA: Economics, Politics, Ideology*. 1990;(9):5-6. (In Russ.).
26. Salimova DA. Interest in the native language and the preservation of ethnic self-identification among Russian Germans. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and profession*. 2017;(3):375-383. (In Russ.).
27. Yagninsky I. Does Russian Jewry Have a Future? *Korni = Roots*. 2001;(16):102-122. (In Russ.).
28. Blauberger IV, Sadovsky VN, Yudin EG. System Research and General System Theory, System Research: Yearbook. Moscow, Nauka; 1973. Pp. 7–29. (In Russ.).
29. Shnirelman VA. Ethnogenesis and Identity: Nationalist Myths in Modern Russia. *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of the Russian Nation*. 2009;(4):108-125. (In Russ.).
30. Ivanenkov SP, Kuszhanova AZh. The most important factors of self-identification and socialization of youth in the relationship of generations. In: Youth of modern Russia: Alternatives for choosing spiritual and moral convictions. Moscow; 2012. Pp. 192–223. (In Russ.).
31. Karatnycky A. A Good Year for Freedom. Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1998–1999. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/Freedom_in_the_World_1998-1999_complete_book.pdf.
32. Welsh D. Domestic politics and ethnic conflict. *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton, Princeton University Press; 1993. Pp. 43–60.
33. Baranchik Y. Why Konstantin Zatulin is right, but Gevorg Mirzayan is not February 11, 2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2855046.html>. (In Russ.).
34. Vladykin V. Melody of heavenly dew. *Monuments of the Fatherland*. 1995:(1–2). Complete description of Russia. Udmurtia. URL: http://almanac.voopik.ru/htm/1995_1.htm. (In Russ.).
35. Atamanov MG. The ethnogenesis of the Udmurts: the role of linguistics in solving ethnogenetic problems. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij = Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011;(1):27-61. (In Russ.).
36. Grushkin D. Ethnicity and local self-government. Reform of local self-government in the regional dimension. Based on materials from 21 regions of the Russian Federation. Edited by S. Ryzhenkov and N. Vinnik. Moscow; 1999. URL: <https://mgimo.ru/files/12216/bmsl3-2-.pdf>. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. М. Ямилов — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки».

Information about the author

R. M. Yamilov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Humanities.

Статья поступила в редакцию 12.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 12.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.